





ПРОЛОГ

Над железными берегами Нижнего мира кружила стальноклювая птица. Причудливая путанка корней Аал Луук Мас* птицу не интересовала: дерево стояло здесь с начала времен и простоит до самого конца мира. Она высматривала что-то в буйных водах подземной реки, прорезавшей покатые берега.

Обтянутая кожей лодочка продиралась сквозь мутно-бурый поток. Гребец тщетно правил на пологий участок берега. Волны окружали, нападали со всех сторон, шипели угрозы. Шаман — а это мог быть только шаман или боотур**, но последние давно уже перевелись в мире — выбивался из сил, а берег все не приближался. Руки налились свинцом, гребок вяз в воде и норовил выскользнуть из стертых в кровь ладоней. «Не пуш-щ-щу-у-у, не пуш-щ-щу-у-у», — чудился насмешливый шепот в плеске воды.

Из волн вынырнул острый камень. Шаман взмахнул гребком и оттолкнул лодку от выступа скалы. Мутная

* Аал Луук Мас — Великое гигантское дерево, Мировое древо у якутов.

** Боотур — богатырь.

вода с шипением хлестнула через край, по дну противно царапнуло.

— Скржш-ш! — послышался звук раздираемой кожи. В пробоину хищно хлынула ликующая вода. В тот же миг торжествующий клекот расколол небо. Птица ринулась на добычу. Шаман вскочил и с размаху швырнул бесполезный теперь гребок в хищницу. Птица метнулась в сторону, набросилась снова. Ударили, оглушая, мощные крылья, когти полоснули по бедру. Шаман вскрикнул, рванулся и рухнул в мутные волны потока.

Птица подхватила покачивающийся на волнах гребок — единственное напоминание о пришельце, рискувшем бороздить воды в смешной скорлупке, — и взмыла в небо. Покружила еще немного над потоком: вдруг река отпустит свою добычу? В гнезде на вершине скалы пищали голодные птенцы. Но волны молчали, жадно облизывая еще не скрывшийся в толще вод бок лодочки. Издав протяжный крик, стальноклювая птица устремилась к видневшимся на горизонте горам.

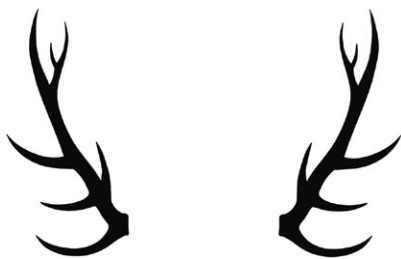
В одном из улусов Среднего мира заметалась на постели рыжекосая девушка. В бреду ей привиделось, как в блеклом мире из пенящегося потока вознес голову семирогий олень. С трудом добравшись до берега, он вскарабкался на покатый склон и, подволакивая одну ногу, направился к стволу гигантского дерева. На мертвую землю падали алые капли, но олень продолжал идти.





ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТВЕРЖЕННАЯ



ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Эй, Тураах! Смотри, что у меня! — завидев неподалеку от тропы присевшую на корточки подругу, Табата замахал зажатой в руке тупоносой стрелой. Тураах только шикнула:

— Тс-с...

Табата озадаченно замолк. Закусив губу, Тураах пристально всматривалась в начинавшиеся ниже по склону кусты. Табата переступил с ноги на ногу, повертел в руках выпрошенную у старшего брата стрелу и, вздохнув, присел рядом. Аккуратно пристроил свое сокровище на коленках. Взглянул на подругу: черные косы обрамляли сосредоточенное лицо. Между соболиных, вразлет, бровей залегла тревожная складка. Стрелу даже не заметила... Что ее так занимает? Среди прошлогодней листвы и сухостоя метались рыжие сполохи. «Пламя? — испугался он. — Да нет, лисенок!» Табата восторженно втянул носом воздух.

Зверек бился среди сухих веток, время от времени неестественно замирая.

— Что этот хитрец задумал?

— В самолет угодил.

— Ха, и на ловкача-лиса нашлась западня! — усмехнулся Табата. — Богач Байанай* расщедрился: будет у жены удачливого охотника на зиму новый воротник.

Лисенок бросался из стороны в сторону, не желая сдаваться, но с каждым его рывком петля самолота только сильнее вгрызалась в шкуру. Обессилев, он понурил голову и заскулил.

Табата поежился: словно дитя плачет. Он покосился на Тураах. Ее темные глаза влажно блестели.

Что же делать? На сердце противно скреблись мыши, но добыча в силках — щедрый дар Лесного Хозяина. Вмешаешься, еще осерчает Байанай: не видать потом охотникам дичи, как не видать белоликого солнца долгой зимней ночью. Тураах всхлипнула и отвернулась.

Рыжего лисенка было жаль, но Табата был братом охотника и понимал, как важна богатая добыча и как страшно прогневить Байаная. «Как бы поступил Бэргэн? — задался вопросом Табата. — Брат бы наверняка нашел выход...» Решение пришло неожиданно, словно подсказал кто-то незримый, стоящий за плечом.

Табата бережно уложил стрелу на землю, за ней последовали снятый с плеча короткий лук и разукрашенная берестяная пластинка, поднялся на ноги и достал короткий ножик.

— Баай Байанай милостив, щедрой рукой гонит он лесных жителей в силки наших охотников, но одно дело найти богатую дичь в своем самолоте, другое — слышать

* Баай Байанай — дух-хозяин леса, животных и птиц, покровитель охотников.

плач детеныша в ловушке, — решительно прошептал он, подражая витиеватой речи олонхосутов*.

Тураах поднялась следом. Сморгнула слезы, откинула черные косы за спину и подхватила:

— Не осерчай, Лесной Хозяин: богат дар, но сердце не радует. Пусть живет рыжий хитрец в твоём изобильном чертоге, а жене охотника я свой воротник подарю — это честная мена.

Плечом к плечу дети двинулись в заросли. Лисенок испуганно прижал уши, оскалился. Тураах успокоительно зашептала, протянула руку. Клац! — острые зубы вцепились в рукав. Тураах ойкнула, свободной рукой прижала челюсть зверька, не давая ему снова куснуть. Лисенок забил лапами, завертел пушистым хвостом — откуда только силы взялись у лесного проныры?

— Держи крепче! — Табата навалился на зверька, стараясь нащупать тугую петлю из конского волоса.

Ощувив холодное лезвие, лисенок задрожал. Табата с трудом просунул нож под петлю и перерезал ее.

— Отпускай, — шепнул он, поднимаясь. Тураах высвободила рукав из пасти перепуганного зверька, робко провела рукой по огненной шерсти и отступила в сторону.

Почуввав свободу, лисенок кинулся в заросли. Обернулся — нет ли погони — и, взмахнув хвостом, исчез в лесу.

Дети улыбнулись друг другу.

— Так откуда у тебя стрела? — весело спросила Тураах, глядя на подбирающего свои сокровища Табату.

— А-а-а, заметила-таки!

* Олонхосут — сказитель олонхо, древних эпических сказаний о богатырях-боотурах.